

Причины увеличения притока студентов в Московский университет в 1803–1809 годах

Александр Феребов

Длительное время при изучении процесса формирования численного состава студентов Московского университета в начале XIX в. исследователи оперировали чрезвычайно скудными статистическими данными. Однако уже к рубежу XIX–XX вв. сложилось до сих пор ещё господствующее представление о том, что после утверждения в конце 1802–1804 гг. основополагающих законов о преобразовании системы народного просвещения и до 1809 г. правительству Александра I и местному начальству удалось добиться ощутимого притока молодёжи в Московский университет с помощью различных организационных и поощрительных мероприятий. Введение в научный оборот подробных сведений о ежегодных приёмах в Московский университет и общей численности учившихся в нём студентов за вторую половину XVIII – начало XIX в., на первый взгляд, лишь наглядно подтвердило это мнение. Так, динамика поступлений в Московский университет на рубеже XVIII–XIX вв. соответствовала уровню 1750–1770-х гг. (в среднем 20 принятых абитуриентов в год). Ещё летом 1802 г. в студенты университета было произведено только 18 юношей, но с началом реформы численность студентов, принятых в университет, стала удваиваться через каждые три года. Летом 1803 г. студентами стали 34 человека, летом 1804 г. – 33, 1805 г. – 37, 1806 г. – 52, 1807 г. – 61, 1808 г. – 57, 1809 г. – 28. Общая численность студентов, на рубеже XVIII–XIX вв. державшаяся на уровне 1760-х гг., за пять лет выросла в четыре раза. К концу 1804 г. в университете учились 56 студентов, к концу 1805 г. – уже 128, в следующие два года – по 135, к концу 1808 г. – 228, к концу 1809 г. – 215¹. Затем, как известно, основным фактором привлечения молодёжи в университет стало утверждение 6 августа 1809 г. указа «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские

© 2013 г. А.Н. Феребов

¹ *Андреев А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000. С. 208, 287; *Феофанов А.М.* Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX века. М., 2011. С. 37–44. В работе А.Ю. Андреева указано, что в 1805 г. в университет были приняты 57 человек, а в 1807 г. – 59 человек. Данные за эти годы уточнены А.М. Феофановым.

ассессоры и статские советники»². В соответствии с ним никто из гражданских служащих, за исключением чиновников малонаселённых территорий страны и чиновников по медицинской части, не мог получить чины VIII и V классов, не предъявив аттестат об окончании университета или о сдаче специального экзамена.

Уточнить статистику ежегодных приёмов в Московский университет позволили публиковавшиеся в «Московских ведомостях» отчёты о торжественных университетских актах, проходивших летом каждого года (университетский архив сгорел в 1812 г.). При этом А.Ю. Андреев отметил, что в данном источнике «мы не находим известий о зачислении в студенты С.П. Жихарева, Н.И. Тургенева, Н.Ф. Грамматина, хотя они несомненно учились в университете». Тем не менее в своих подсчётах он не использовал отчёты о торжественных актах состоявшего при Московском университете Благородного пансиона, также печатавшиеся в «Московских ведомостях», поскольку «до 1809 г. производства в студенты происходили здесь зимой, на пансионском акте и сводились к тому, что ученик получал позволение посещать университетские лекции, оставаясь на иждивении пансионского начальства». Только после 1809 г. инспектор Благородного пансиона «вносит в список студентов, оглашаемый на летнем акте, большую часть выпускников пансиона за этот год, вероятно, не без согласия родителей»³. Однако, по мнению В.В. Пономарёвой и Л.Б. Хорошиловой, объявление на пансионском акте о допущении учащихся к слушанию профессорских лекций следует считать настоящим производством в студенты, ведь именно так его воспринимали в начале XIX в. современники. Кроме того, такие пансионеры при выпуске приобретали равное со студентами право на чины XIV и XII классов при вступлении в службу, хотя официально до 1818 г. ни один закон не закреплял за ними такого преимущества⁴.

Для того, чтобы лучше понять статус пансионеров, произведённых в студенты на зимних актах, следует учесть, когда именно возникла такая практика. Созданный в 1779 г. Благородный пансион не готовил воспитанников к поступлению в университет. До начала XIX в. переходы пансионеров в студенты почти неизвестны, но к декабрю 1803 г. они приобрели систематический характер⁵. Это обстоятельство отражено в изменении наименований учащихся пансиона в «Московских ведомостях». Ещё в отчёте о пансионском акте 1802 г. применительно к ним был употреблён только термин «воспитанник»⁶. В сообщении о следующем акте упомянуты уже «студенты-пансионеры, обучающиеся в высших классах российскому практическому законоискусству» и другим наукам. Среди них перечислены и те, кто в 1802 г. был обозначен как «воспитанник» (Григорий Анучин, Дмитрий Дашков, Василий Масюков и др.). Отдельно указаны «ученики-пансионеры», которые были «по успехам в математических и исторических науках... удостоены перейти в высшие классы»⁷. Причём «ученики-пансионеры», удостоенные перехода в высшие классы в 1803 г., в следующем году были отмечены только среди «студентов-

² ПСЗ-I. Т. 30. № 23771.

³ Андреев А.Ю. Московский университет... С. 208.

⁴ Пономарёва В.В., Хорошилова Л.Б. Университетский Благородный Пансион. 1779–1830 гг. М., 2006. С. 320–323.

⁵ Там же. С. 321–322.

⁶ Московские ведомости (далее – МВ). 1802. № 103.

⁷ МВ. 1803. № 103.

пансионеров»⁸. С акта 1805 г. всех «учеников-пансионеров», переведённых в высшие классы, затем называли «студентами»⁹. Именно среди «студентов-пансионеров»/«студентов» в 1803–1806 гг. встречаются имена С.П. Жихарева, Н.И. Тургенева и Н.Ф. Грамматина.

Таким образом воспитанников, произведённых в студенты на пансионских актах, необходимо учитывать при определении количества поступлений в Московский университет. Всего в декабре 1803 г. студентами стали 20 пансионеров, в декабре 1804 г. – 19, 1805 г. – 18, 1806 г. – 31, 1807 г. – 29, 1808 г. – 29¹⁰. Следует отметить, что на летнем акте происходило официальное производство в студенты всех юношей, зачисленных в университет в течение прошедшего академического года. Поэтому воспитанников, произведённых в студенты на декабрьском пансионском акте, надо причислять к юношам, произведённым в студенты на летнем университетском акте в следующем календарном году. Итого, по состоянию на лето 1804 г. студентами Московского университета стали 53 человека, 1805 г. – 56, 1806 – 70, 1807 г. – 92, 1808 г. – 86, 1809 г. – 57 человек.

Чем же объяснялся резкий рост притока студентов в Московский университет в 1803–1809 гг.? В историографии принято считать, что его причиной стали организационные и поощрительные мероприятия правительства и начальства Московского университета¹¹. В 1803–1809 гг. приём в университет происходил без каких-либо сословных ограничений, а обучение в нём было бесплатным. Для провинциалов из малообеспеченных семей предназначалось 40 студенческих мест, находившихся на казённом содержании. Частные лица получили право учреждать благотворительные стипендии, чем незамедлительно воспользовался П.Г. Демидов. Приём в студенты затрудняло только требование от абитуриента определённого объема знаний. Чтобы это не отгородило от университета широкие социальные слои, по всей империи было организовано открытие начальных училищ и гимназий, учебные планы которых были нацелены на последовательное приготовление учащихся к поступлению в университет.

Активную деятельность по привлечению молодёжи в Московский университет проводил М.Н. Муравьев, 24 января 1803 г. назначенный на должность его попечителя. Уже в 1803 г. он исходатайствовал дозволение на присылку

⁸ МВ. 1803. № 103; 1804. № 103.

⁹ МВ. 1805. № 103; 1806. № 103; 1807. № 103; 1808. № 104.

¹⁰ МВ. 1803. № 103; 1804. № 103; 1805. № 103; 1806. № 103; 1807. № 103; 1808. № 104. Приведённые в работе В.В. Пономарёвой и Л.Б. Хорошиловой цифры не совпадают с использованным ими источником (Ср.: Пономарёва В.В., Хорошилова Л.Б. Указ. соч. С. 323–324).

¹¹ Помимо уже упомянутых работ, см. также: Иконников В.С. Русские университеты в связи с ходом общественного образования // Вестник Европы. 1876. Кн. 10. С. 526–528, 542–549; Шмид Е. История средних учебных заведений в России. СПб., 1878. С. 55–79; Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. СПб., 1889. С. 62–67, 116–136, 144–149; Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 50–73; он же. Сословный вопрос в русских университетах в первой четверти XIX века. СПб., 1907. С. 10–14; Аleshинцев И. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб., 1912. С. 19–27, 42–49, 54; История Московского университета. Т. 1. М., 1955. С. 78–85; Flynn J.T. The University Reform of Tsar Alexander I. 1802–1835. Washington, 1988. P. 32–34, 36, 60–63, 75–78; Хорошилова Л.Б. Студенты // Университет для России. Т. 2. М., 2001. С. 240–245; Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1. М., 2002. С. 132, 188–198, 219–226, 267–278, 286–294; Т. 2. М., 2002. С. 5–6, 14–18, 274–277, 298, 356–369, 374, 393–394.

в Москву 12 детей армянских и грузинских дворян для обучения врачебным наукам. По его распоряжению Совет университета неоднократно публиковал информацию о выгодах университетского обучения. Для популяризации университета Михаил Никитич инициировал основание при нём научных обществ и журналов, а также проведение циклов публичных лекций.

Но главным стимулом являлись служебные преимущества. Обладателям университетских аттестатов было даровано право вступать в гражданскую службу с чином XIV класса. Если при выпуске студент проходил испытания, установленные для приобретения первой учёной степени «кандидата», то он получал право на чин XII класса. По-разному исследователи оценили только право студентов на ускоренное производство в первый обер-офицерский чин при вступлении в военную службу. Это право было даровано студентам независимо от происхождения указами 1806–1807 гг. В отечественной историографии принято считать, что данные указы привлекали молодёжь в Московский университет¹². Дж.Т. Флинн, напротив, считал, что они привели к оттоку студентов¹³.

Однако исследователи не учитывают, что все эти меры не несли в себе ничего принципиально нового в сравнении с практикой предшествовавших десятилетий. Ко времени основания Московского университета в России отсутствовали школы, способные целенаправленно готовить учеников к поступлению в студенты. Для исправления ситуации уже в 1755 г. при университете и под его управлением была открыта гимназия. В следующие десятилетия, вплоть до начала XIX в., появилась ещё одна такая же гимназия – в Казани (1758 г.). Поэтому усилия правительства Александра I по созданию целой сети начальных и средних учебных заведений, последовательно готовивших учеников к поступлению в университет, представляли собой важное новшество в деле народного просвещения. Но обеспечить увеличение притока студентов в Московский университет до 1809 г. они не могли. Устав для приходских и уездных училищ и гимназий был принят в ноябре 1804 г. Общая продолжительность обучения в них составляла семь или, в случае освоения в домашних условиях элементарного курса приходских училищ, шесть лет. Только в 1810–1811 гг. произошли выпуски первых партий учеников, прошедших полный курс среднего образования. Например, именно тогда начался массовый приток выпускников губернских гимназий в Харьковский университет (в 1804–1809 гг. в него поступали преимущественно учащиеся духовных семинарий)¹⁴.

Отчёты об университетских и пансионских актах показывают, что большинство юношей, принятых в Московский университет в 1803–1807 гг., учились в состоявших при нём гимназии и Благородном пансионе. Летом 1803 г. из посторонних заведений в него поступили только 8 человек (23.5% от общего числа принятых), в 1804–1805 гг. – по 9 (17 и 16% соответственно), в 1807 г. – 12 (13%)¹⁵ и лишь в 1808 г. более трети студентов – 31 человек (36%). В 1809 г. их число сократилось до 17 человек (29.8%), а затем резко возросло: в 1810 г. – 27 из 71 (38%), а в 1811 г. – 74 из 117 поступивших (63.3%)¹⁶. Не все

¹² *Рожественский С.В.* Исторический обзор... С. 61; *Петров Ф.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 189, 268; *Хорошилова Л.Б.* Указ. соч. С. 243–244.

¹³ *Флинн Дж.Т.* *Op. cit.* Р. 33.

¹⁴ *Багалей Д.И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Т. 1. Харьков, 1893–1898. С. 779–780, 835.

¹⁵ Отчёт о летнем акте 1806 г. сообщил только общую численность поступивших в университет и не позволяет сделать подробных подсчётов.

¹⁶ Подсчитано по: МВ. 1803. № 72, 103; 1804. № 71, 103; 1805. № 54, 103; 1806. № 54, 103; 1807. № 54, 103; 1808. № 54, 104; 1809. № 54; 1810. № 54; 1811. № 54.

они окончили губернские гимназии, но устойчивое сокращение доли выпускников местной гимназии и Благородного пансиона среди студентов Московского университета после 1810 г. показывает, что ситуация здесь была сходна с харьковской.

Доступ в университет с 1755 г. был закрыт только крепостным крестьянам. Военнопленные могли стать студентами. Как известно, формальный допуск крепостных в университет после 1804 г. не вызвал их притока на студенческие скамьи. Обучение в университете изначально было бесплатным. С 1755 г. в нём было предусмотрено 30 студенческих мест на казённом содержании. Увеличение в 1804 г. их числа до 40 в сочетании с разрешением на присылку 12 детей грузин и армян, которых следовало принять на казённое содержание, могло повлиять на рост численности студентов лишь незначительно¹⁷. Также следует отметить, что уже в 1779 г. было сделано первое пожертвование на учреждение в университете благотворительных стипендий. В 1780-е гг. данная практика получила развитие¹⁸.

С 1755 г. университетское начальство всячески стремилось привлечь внимание российского общества к своему учебному заведению. Открытие университета и гимназии при нём представляло пышное празднество, на которое приглашались знатные и именитые особы. По окончании каждого учебного года проходили торжественные акты, на которых преподаватели произносили речи о пользе развития в России наук и образования, а студенты устраивали публичные диспуты. В присутствии публики в университете праздновали годовщины коронаций и тезоименитства царствующих особ. Отчёты обо всех торжествах публиковались в «Московских ведомостях». В 1756 г. библиотека университета стала доступной для общества. С 1760-х гг. университет начал выпускать различные научно-популярные издания¹⁹. Во второй половине XVIII в. не проводились только циклы публичных лекций. В начале XIX в. они, конечно, заняли важное место в культурной жизни столицы. Однако, по свидетельству Е.Ф. Тимковского, в них видели, прежде всего, развлечение. Их популярность была вызвана обывательским любопытством и не пробуждала у широких слоёв населения желания получить университетское образование²⁰.

Ещё в XVIII в. всем выпускникам Московского университета было даровано право на вступление в гражданскую службу с чином XIV класса. Первыми это преимущество получили дворяне. Указом 18 мая 1756 г. процесс обучения в университете и его гимназии был согласован с нормами уже существовавшего законодательства о воспитании дворянских детей. Для дворян, записанных с малолетства в полки, время обучения в гимназии и университете включалось в срок службы. Не записанные в службу дворяне получили право по окончании университета вступать в неё по гражданской или военной части с первым обер-офицерским чином²¹. Запись детей в гвардейские полки была распространена

¹⁷ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 46.

¹⁸ Шевырёв С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. Репринтное издание. М., 1998. С. 114–115.

¹⁹ Подробнее см.: Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М., 2006.

²⁰ Тимковский Е.Ф. Воспоминания о моей жизни // Киевская старина. 1894. № 4. С. 5–6.

²¹ ПСЗ-1. Т. 14. № 10558; Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. 1. СПб., 1912. С. 202–203.

очень широко, поэтому применение указа 1756 г. к учащимся как университета, так и гимназии не привело к притоку дворян в студенты.

Пример кн. И.М. Долгорукова, ставшего студентом в 1780 г., свидетельствует о том, что дворяне лишь в экстремальной ситуации шли в университет из карьерных соображений. Кн. М.И. Долгоруков не записал своего сына в гвардейский полк с рождения, рассчитывая иным путём доставить ему высокий чин. Этот план не удался, и в 16 лет князь Иван мог вступить в службу лишь унтер-офицером. «Неприятно было бы моему батюшке, – вспоминал он, – заставить меня служить унтер-офицером и несколько лет ждать одинаких преимуществ с людьми, мне по всем отношениям равными». Тогда было решено поместить молодого князя в университет, по окончании которого можно было вступить в службу «хотя не в гвардии, но офицером»²².

В 1796 г. Павел I запретил помещать малолетних дворян в гвардию. Сразу после этого «завелась» практика их записи в Московский архив Коллегии иностранных дел и Экспедицию кремлёвского строения для зачисления детских лет в срок службы²³. Возможно, так поступали и в других учреждениях. Цари старались препятствовать этому. Закон 1799 г. не позволял принимать дворянских детей в статскую службу без Высочайшего разрешения. 16 июля 1806 г. Александр I установил возрастной ценз в 17 лет для определения в архив иностранной коллегии²⁴. Однако эти постановления не изменили устоявшихся порядков. В 1805 г. девятилетний М.А. Дмитриев начал службу в архиве чиновником XIV класса, Ф.С. Щукин поступил туда с тем же чином в 1808 г. в 9–10 лет²⁵. В начале 1820-х гг. в 8 лет А.И. Герцен стал канцеляристом кремлевской экспедиции, а затем получал чины установленным порядком²⁶. «Порядочное гражданское воспитание не может совершиться как по крайней мере в 21-й год возраста, – отмечал в 1808 г. М.М. Сперанский. – Студент, окончивший в сие время учение, получает по закону чин коллежского регистратора, между тем как другой, вступивший в службу прежде окончания наук, или и совсем без учения, в то же самое время выходит уже по летам службы в титулярные советники»²⁷. Таким образом, даже в начале XIX в. дарование выпускникам университета чинов при вступлении в службу не имело для дворян особой привлекательности.

16 декабря 1790 г. были приняты правила чинопроизводства, согласно которым право на вступление в гражданскую службу с обер-офицерским чином получили все выпускники университета без различия сословного происхождения. Как было установлено А.М. Феофановым, никакого роста поступлений в Московский университет в конце XVIII в. не последовало. По его мнению, «в павловское царствование об указе “забыли”. Об этом свидетельствует переписка

²² Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. Т. 1. СПб., 2004. С. 49.

²³ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 7, 165; Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. С. 55, 61–62.

²⁴ ПСЗ-1. Т. 25. № 19136; Т. 29. № 22216.

²⁵ Дмитриев М.А. Указ. соч. С. 7, 165; Иванов В.А., Бессонов В.А., Добычина М.А. Калужане – участники Отечественной войны 1812 г. Биографический справочник // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 5. Калуга, 2004. С. 41.

²⁶ Летопись жизни и творчества А.И. Герцена. 1812–1850. М., 1974. С. 29–47.

²⁷ Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX веках. (Приложение к «Очеркам по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках». Т. 1). СПб., 1910. С. 376.

по поводу ходатайства куратора Московского университета кн. Ф.Н. Голицына о награждении студентов, добпорядочно окончивших курс..., дабы они “по аттестату своему получили четырнадцатого класса чины”». «Павел I, – пишет исследователь, – студентов из дворян велел награждать званием коллегии юнкера, а разночинцев определять в канцелярские служители. Генерал-прокурор кн. А.Б. Куракин... напомнил, что уже “указом 1790 года повелено их... вообще награждать чином коллежского регистратора при вступлении в службу”... Смелость Куракина... возымела действие: он получил Высочайшее соизволение “дабы награждение... оставалось на прежнем основании”»²⁸. По мнению А.М. Феофанова, «о том, с какой суровой реальностью приходилось сталкиваться выпускникам», сообщают воспоминания Ф.П. Лубяновского. В декабре 1796 г. товарищ-студент известил мемуариста «о царской милости», состоявшейся в приглашении 12 студентов на службу в Петербург. Вскоре туда отправились желающие. Через некоторое время Лубяновский приехал в столицу и нашёл шестерых из них «в холодных, сырых и тёмных подвалах» одной из канцелярий: «унылые, бледные, в унтер-офицерских доспехах», они переписывали формулярные списки, так и не получив причитавшегося им классного чина»²⁹.

Однако Лубяновский вовсе не называл отправившихся в Петербург студентов «выпускниками» университета или окончившими в нём полный курс учения. Он писал только то, что «вызвались отличнейшие по успехам в науках и поведению, в том числе и корреспондент мой»³⁰. При рассмотрении ходатайства кн. Ф.Н. Голицына Павел I, действительно, мог не знать об указе 16 декабря 1790 г. Генерал-прокурор должен был дать императору соответствующие разъяснения, и последовавшее за тем согласие царя на соблюдение правил 1790 г. можно считать повторной конфирмацией указа.

Отсутствие наплыва разночинцев в университет после 1790 г. было связано со сложившимся к тому времени порядком их определения на службу. С 1771 г. правительство систематически преграждало им путь в центральные и местные учреждения. Такой запрет для лиц податного происхождения предусматривал и указ 16 декабря 1790 г.³¹ Однако растущие потребности государственного аппарата в чиновниках заставляли раз за разом утверждать в должности лиц, по закону не имевших на это права. Масса таких представлений от разных ведомств поступала в Сенат и в начале XIX в.³² В такой ситуации привлечь разночинцев в университет мог только интерес к соответствующему типу образования. Очевидно, подобного интереса у них не было.

В связи с этим следует упомянуть о «вызовах» студентов (в том числе ещё не окончивших обучения) на службу по требованию разных государственных органов. В них часто видят одну из причин малочисленности учащихся Московского университета в XVIII в.. Но ещё С.П. Шевырёв отметил, с каким

²⁸ Феофанов А.М. Указ. соч. С. 221–222. А.М. Феофанов, похоже, впервые в историографии Московского университета обратил внимание на указ 1790 г. и установил, что представление кн. Ф.Н. Голицына увенчалось успехом. Ранее считалось, что до 1804 г. выпускники-разночинцы не получали официального права на классный чин, а на ходатайство куратора последовал отказ (см.: Шевырёв С.П. Указ. соч. С. 271, 294).

²⁹ Феофанов А.М. Указ. соч. С. 222–223.

³⁰ Лубяновский Ф.П. Воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 47.

³¹ ПСЗ-1. Т. 23. №16930.

³² Рождественский С.В. Сословный вопрос... С. 7–9.

воодушевлением студенты встретили приглашение в Уложенную комиссию³³. То же чувство, очевидно, испытывали товарищи Лубяновского. О добровольности вступления учащихся на службу по «вызовам» говорил студент 1789–1797 гг. И.Ф. Тимковский³⁴. Поэтому следует согласиться с Шевырёвым в том, что именно «нетерпение юношества и самих родителей» было причиной поспешного выхода студентов из университета³⁵.

Это позволяет лучше понять значение указов 1806–1807 гг. для динамики студенческого состава Московского университета. Следует согласиться с Дж.Т. Флинном, что их появление было вызвано потребностью российской армии в образованных офицерах. Утверждённые 14 марта 1807 г. правила чиновничества по военной службе предписывали, чтобы дворяне, не имеющие «ещё звания студентов и обучающиеся как в гимназиях, так и других училищах..., в возрасте, способном для вступления в службу», являлись «в корпуса кадетские в С. Петербурге... для окончания в оных наук и приучения их к воинской службе»³⁶. Подобное постановление нельзя считать средством привлечения дворян к университетскому образованию. В 1806–1807 гг. происходил постоянный и значительный по сравнению с предшествовавшим годом рост числа лиц, принятых в студенты. При этом увеличение общей численности студентов в 1805–1807 гг. замедлялось и, в конце концов, остановилось. Следовательно, в этот период усиливался и отток учащихся из университета. Трудно сказать, насколько сильно рассматриваемые указы повлияли на привлечение молодёжи в Московский университет. Летом 1807 г. война с Наполеоном была окончена, а поток юношей в Московский университет не ослабевал до лета 1808 г. Кроме того, указы о преимуществах студентов при вступлении в военную службу никак не объясняют рост числа поступающих в 1803–1805 гг.

Таким образом причины увеличения приёма в университет, обозначившегося уже в самом начале александровской реформы образования, до сих пор не выявлены. Для их установления следует уделить особое внимание первым законодательным актам, заложившим основу будущей учебной системы. Таким законом для Московского университета стали «Предварительные правила народного просвещения», принятые 24 января 1803 г. В ст. 24 «Предварительные правила» объявляли о намерении правительства ввести образовательный ценз при вступлении в гражданскую службу: «Ни в какой губернии, спустя пять лет по устройении в округе, к которому она принадлежит, на основании сих правил, училищной части, никто не будет определён к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище»³⁷.

Обычно исследователи видели в данном обещании предвестник появления указа об экзаменах на чин и не признавали за ним какой-либо практической силы до августа 1809 г. На это намекала и ссылка на сделанное в 1803 г. предупреждение, помещённая в преамбулу самого указа 6 августа 1809 г. Однако, как справедливо заметил М.М. Шевченко, «по прошествии пятилетнего срока заявленное в “Правилах” намерение осталось неисполненным», а указ 6 августа 1809 г. стал совершенно самостоятельным правовым актом, не выте-

³³ Шевырёв С.П. Указ. соч. С. 166.

³⁴ Тимковский И.Ф. Моё определение в службу // Русский архив. 1874. Вып. 6. Стб. 1427.

³⁵ Шевырёв С.П. Указ. соч. С. 166.

³⁶ Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 483.

³⁷ Там же. Стб. 17.

кавшим непосредственным образом из обещания «Предварительных правил». Ведь вместо введения образовательного ценза для вступления в гражданскую службу вообще, в 1809 г. был установлен барьер для чиновпроизводства уже принятых на службу чиновников³⁸. Поскольку в задачу М.М. Шевченко не входило подробное освещение университетской истории начала XIX в., влияние обещания, данного в «Предварительных правилах», на складывание численности российского студенчества им не рассматривалось.

Но можно предположить, что именно обещание ввести образовательный ценз для вступления в гражданскую службу сыграло ведущую роль в привлечении молодёжи в Московский университет в 1803–1809 гг. Помимо отмеченного М.М. Шевченко, между ст. 24 «Предварительных правил» и указом 6 августа 1809 г. было ещё одно важное отличие. В «Предварительных правилах» не было чётко прописано, курс каких учебных заведений необходимо будет пройти по истечении пятилетнего срока для вступления в службу. Речь шла об «общественном или частном училище» вообще. В 1809 г. было строго установлено, что для успешного чиновпроизводства по гражданской службе необходимо только университетский аттестат. На первый взгляд, в этом можно усмотреть уточнение предположения, сделанного в «Предварительных правилах». Но существовала ли такая определённости во взгляде законодателей на связь образованности и прохождения службы в конце 1802–1804 гг.? Ещё до «Предварительных правил», 12 декабря 1802 г., был утвержден «Акт постановления для императорского университета в Дерпте». «Каждый же из наших подданных... трёх губерний: Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, – говорилось в нём, – обязан три года обучаться в сем или другом в империи нашей учреждённом университете, для занятия в сих губерниях какого-либо места, требующего юридических или других нужных в оном познаний, выключая тех чиновников, кои по именному нашему повелению определяются. Но сие положение, касающееся до вступления в службу чиновников, спустя не менее пяти лет, считая от открытия университета, имеет быть приведено в действие»³⁹. Через месяц в «Предварительных правилах» возникла более общая формулировка об «общественном или частном училище». Несмотря на такое расширение круга училищ, 12 сентября 1803 г., в уставе Дерптского университета почти дословно было повторено предписание «Акта постановления». Причём в уставе была обозначена точка отсчёта пятилетнего срока – день официального открытия университета 23 апреля 1802 г.⁴⁰ В принятых позже основополагающих документах других университетов подобные заявления отсутствовали вовсе, что означало автоматическое следование положению «Предварительных правил».

Для определения круга училищ, окончание которых должно было стать достаточным для вступления в службу, важно учесть: «Предварительные правила» и уставные документы университетов обязательно указывали, что целью университетского образования является приготовление будущих чиновников. Так, устав Московского университета гласил, что «в нём приуготовляется юношество для вступления в различные звания государственной службы»⁴¹. Для сравнения, перед гимназиями, например, подобного рода задачи не ста-

³⁸ Шевченко М.М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 33–35.

³⁹ Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 10–11.

⁴⁰ Там же. Стб. 139.

⁴¹ Там же. Стб. 295. См. также: Там же. Стб. 6, 19, 54, 119–120, 286, 295.

вились. Однако нельзя не обратить внимание на слова «Устава учебных заведений, подведомых университетам» о том, что «учреждение гимназий имеет двоякую цель: 1) приготовление к университетским наукам...; 2) преподавание наук, хотя начальных, но полных в рассуждении предметов учения, тем, кои, не имея намерения продолжать оные в университетах, пожелают приобрести сведения, необходимые для благовоспитанного человека»⁴². В начале XIX в. последний оборот, безусловно, подразумевал лиц дворянского происхождения. Традиционной же социальной ролью российского дворянства являлась именно государственная служба. Потому можно предположить, что гимназии тоже должны были войти в круг «общественных или частных училищ», упомянутых в «Предварительных правилах».

В пользу этого свидетельствует то, что по уставу 1804 г. в учебные планы гимназий были включены некоторые дисциплины «нравственно-политического» (юридического) факультета Московского университета⁴³. Предусмотренные в «Предварительных правилах» «частные училища» тоже явно не могли обладать статусом университета. Намерение допустить к службе выпускников гимназий прослеживается и в записке М.М. Сперанского «Об усовершенствовании общего народного воспитания», сопровождавшей проект указа об экзаменах на чин. После упоминания о сделанном в «Предварительных правилах» обещании в ней говорилось: «Положенные сим правилом лета истекают, но каким образом привести меру сию в действие, когда во всех университетах и гимназиях количество учащихся столь малочисленно?»⁴⁴. В свою очередь, в Высочайше утверждённом тексте указа 6 августа 1809 г. было подчёркнуто отсутствие у подданных интереса к учебным заведениям, открытым на основании законов 1802–1804 гг.: «Предполагаемо было, что все свободныя состояния, и особенно сословие дворянское, с поревнованием, воспользуются открытием университетов, гимназий и училищ в округах, губерниях и уездах... Но из ежегодных отчётов Министерства просвещения и из сведений, к нам доходящих, с сожалением мы видим, что предположения сии доселе не восприяли ещё своего действия. Исключая университеты Дерптский и Виленский, все прочие учебные заведения, в течении сего времени открытые, по малому числу учащихся, не соразмерны способам их учреждения»⁴⁵.

Таким образом в 1802–1804 гг. реформаторы, скорее всего, подразумевали, что на основной территории империи, исключая Дерптский учебный округ, выпускники университетов будут служить сразу в классных чинах, а лица, окончившие только гимназию или некоторые другие виды училищ, начнут свою деятельность с канцелярских званий, получая низший классный чин через несколько лет службы. Не окончившие гимназий или подобных «общественных и частных училищ» лишались права на вступление в службу.

Конечно, нет прямых свидетельств о том, что в широких слоях общества после издания «Предварительных правил» ожидали введения образовательного ценза для вступления в службу. Можно только заметить, что в среде людей, понимавших значение проводимой образовательной реформы, высказывались мысли о необходимости употребления принудительных мер для распростране-

⁴² Там же. Стб. 332.

⁴³ Там же. Стб. 299, 332.

⁴⁴ Материалы для истории учебных реформ... С. 375.

⁴⁵ Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 582–583.

ния просвещения. 27 апреля 1803 г. директор училищ Саратовской губернии А. Шестаков представил министру просвещения записку «Нечто о просвещении в России», предлагая установить «урочные лета» для обязательного и последовательного обучения дворянских детей в гимназиях и университетах на казённый счёт. Это должно было стать примером для прочих сословий, выходцам из которых «в гимназиях и в университетах не возбраняется учиться всякому, кроме крестьян, но только своекоштно и не ограничивая урочным временем». Без подобных предписаний, считал он, «предполагаемые университеты и гимназии не принесут государственной истинной пользы»⁴⁶. Как пишет И. Алешинцев, Главное правление училищ оставило записку без соображений «по причине принятых уже самых надёжнейших мер»⁴⁷. Во всяком случае, наиболее чёткие формулировки законов 1802–1804 гг. заставляли современников думать, что в будущем только университетский аттестат позволит занять должность.

Особо следует остановиться на причинах возникновения практики перевода воспитанников Благородного пансиона в студенты на зимних актах. В.В. Пономарёва и Л.Б. Хорошилова выдвинули предположение, что «руководство университета и пансиона, стараясь привлечь молодых людей в университет, думало над тем, как подготовить пансионеров к переводу в студенты. Наконец, в пансионе был учреждён особый статус воспитанника – “студент-пансионер”. Переходя в высшие классы пансиона, студент-пансионер, помимо занятий в пансионе, слушал лекции в университете..., это было мягкой, переходной формой от пансиона, с его элитарностью и тепличными порядками, к более демократичному университету... Таким образом всех молодых людей с определённого возраста постепенно приучали к студенческой жизни»⁴⁸. Ещё одну причину авторы видели в закреплении «Предварительными правилами» права выпускников университета на классный чин при вступлении в службу, «официальный же статус выпускника университетского Благородного пансиона по-прежнему оставался неопределённым»⁴⁹.

Однако право на чин студенты получили ещё в XVIII в., но тогда это не привело к желанию пансионеров становиться студентами. Имеющиеся источники не дают также оснований говорить о «постепенном приучении» пансионеров к студенческой жизни. Так, С.П. Жихарев, в 1804 г. переведённый в высшие классы пансиона с дозволением слушать профессорские лекции, был официально выпущен из пансиона и из числа студентов на декабрьском акте 1805 г. «Однако ж, – писал он, – как теперь, на свободе, пораздумаешь, что это значит: мы, действительные студенты, ездим на лекции в университет, а принадлежим ещё начальству пансионскому? Согласен, что те, которые живут в пансионе, обязаны считаться от него зависящими, но я и некоторые другие вступили в пансион полупансионерами и никогда в нём не жили: почему ж мы принадлежим пансиону? Вот этого никто не хотел или не умел мне растолковать! А что-то неладно»⁵⁰. О том же свидетельствуют отчёты о пансионских актах 1806–1807 гг. В 1807 г. «Московские ведомости» сообщали, что «по экзамену господ профессоров университета и по одобрению учащихся и надзи-

⁴⁶ Цит. по: Алешинцев И. Указ. соч. С. 24–26.

⁴⁷ Там же. С. 25.

⁴⁸ Пономарёва В.В., Хорошилова Л.Б. Указ. соч. С. 320.

⁴⁹ Там же. С. 321–322.

⁵⁰ Жихарев С.П. Записки современника. М., 1955. С. 144.

рающих в пансионе, за благонравие и успехи в науках, языках и искусствах... Сергей Соковнин, пробывший четыре года студентом и, по испытанию особенно отличившийся успехами в словесных науках, получил от университетского совета диплом на кандидатское достоинство⁵¹. Годом ранее то же было объявлено в отношении Николая Грамматина⁵². Тем самым, вплоть до получения аттестата об окончании университетского образования, студенты-пансионеры оставались в ведении пансионского начальства и не переходили в полной мере в студенческую среду. Можно сказать, что университетский курс фактически стал составной частью учебной программы высших классов Благородного пансиона.

Правовые основания производства пансионеров в студенты на зимних актах были весьма шатки. Утверждённый 5 ноября 1804 г. устав Московского университета предусматривал содержание при нём Академической гимназии и Благородного пансиона⁵³. 30 декабря 1806 г. министр народного просвещения утвердил «Постановление Благородного пансиона, при Императорском Московском университете учреждённого». В нём было отмечено, что «воспитанник, по приобретении достаточных успехов в ученьях Благородного пансиона, может приступить к слушанию университетских лекций. Дабы с бóльшим успехом воспользовался он ученьями университета, нужно вообще знание во всех языках и науках, преподаваемых в пансионе; но особенно требуется для того язык российский и латинский и основательные математические сведения, так как необходимые средства и начала других наук. Между тем для усовершенствования себя в прочих частях учёности может он, пребывая в пансионе, в одно и то же время продолжать слушать и пансионские, и университетские лекции»⁵⁴. Содержание данного пункта неоднозначно: он не запрещал производства пансионеров в студенты, но и не подтверждал его правомерность вне официальных университетских летних актов.

Однако ещё в октябре 1804 г. в журнале «Вестник Европы» было публично и чётко объявлено о том, какие преимущества ожидают пансионеров: «Успевшим в высших классах пансионерам даётся право слушать профессорския лекции в университете, и они становятся студентами; следственно при вступлении в службу пользуются преимуществами, всемилостивейше пожалованными студентам университетским»⁵⁵. На практике, согласно публикациям в «Московских ведомостях», присвоение учащимся Благородного пансиона студенческого звания происходило не по итогам успехов в высших классах, а одновременно с их переводом из средних классов в высшие. Причём пансионеры не сдавали никаких дополнительных экзаменов, тем более таких, которые были бы равноценны испытаниям, через месяц официально установленным в уставе Московского университета для зачисления в студенты⁵⁶. Неудивительно, что в

⁵¹ МВ. 1807. № 103.

⁵² МВ. 1806. № 103.

⁵³ Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 296.

⁵⁴ Сборник распоряжений по министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1866. Стб. 143.

⁵⁵ М. К-ий [Каченовский М.Т.]. Взгляд на Благородный пансион при Императорском Московском университете // Вестник Европы. 1804. № 19. С. 230.

⁵⁶ Пономарёва В.В., Хорошилова Л.Б. Указ. соч. С. 322; Сборник постановлений... Т. 1. Стб. 316.

«постановлении» 1806 г. отсутствовала столь ясно выраженная в статье «Вестника Европы» мысль о приобретении пансионерами студенческих прав.

Такое положение вещей не могло сложиться без прямого участия университетского начальства. Не случайно сохранилось немало свидетельств о взяточничестве бессменного начальника Благородного пансиона А.А. Прокоповича-Антонского⁵⁷. При этом оставление произведенных в студенты воспитанников в ведении пансионского начальства отвечало пожеланиям дворян, многие из которых отрицательно относились к совместному обучению своих отпрысков с выходцами из низших сословий⁵⁸.

Следует отметить, что упоминание в «Вестнике Европы» о студенческих преимуществах касалось не только права на классные чины при вступлении в службу. Учившиеся в пансионе дети нередко уже были записаны в службу и находились в офицерских чинах. В XVIII в. в подобных случаях родители ограничивали воспитание своих сыновей курсом университетской гимназии или низших училищ. С 1803 г. дворяне начинают направлять своих детей-пансионеров в студенты после их определения на службу с обер-офицерским чином. Показателен пример семьи И.П. Тургенева, занимавшего пост директора Московского университета в 1796–1803 гг. У него было четыре сына: Андрей, Александр, Николай и Сергей. До 1803 г. И.П. Тургенев не проявлял последовательного предпочтения к приобретению своими детьми звания студента Московского университета. Андрей Тургенев был произведён в студенты в 1799 г.⁵⁹ Когда именно он вступил в службу неизвестно, но в ноябре 1799 г. он писал об очередном посещении своего места службы в Московском архиве Коллегии иностранных дел⁶⁰. Александр Тургенев окончил Благородный пансион при Московском университете в декабре 1801 г.⁶¹ Состоя в пансионе, 16 июня 1800 г. он был зачислен на службу в Московский архив Коллегии иностранных дел⁶². Продолжать обучение в Москве Александр не стал, а отправился в Гёттингенский университет⁶³. После утверждения «Предварительных правил» Московский университет стал обязательной ступенью образования детей И.П. Тургенева, хотя ко времени зачисления в студенты они уже имели обер-офицерские чины. Н.И. Тургенев 13 октября 1803 г. был «определён в Государственной коллегии иностр[анных] дел Моск[овского] архива актуариусом», получив чин XIV класса, а в отчёте об акте Благородного пансиона 1803 г. он назван «студентом-пансионером»⁶⁴. Причиной перехода в студенты не могла стать тяга Николая Тургенева к университетским знаниям, поскольку профессорские лекции ему не были интересны⁶⁵. С.И. Тургенев был произведён в «студенты-пансионеры» 22 декабря 1803 г., а за несколько дней до этого, 19 декабря, был зачислен в Московский архив иностранной коллегии актуариусом⁶⁶.

⁵⁷ Пономарёва В.В., Хорошилова Л.Б. Указ. соч. С. 118–119.

⁵⁸ Шмид Е. Указ. соч. С. 72.

⁵⁹ Шевырёв С.П. Указ. соч. С. 306.

⁶⁰ Лотман Ю.М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958. С. 68.

⁶¹ МВ. 1801. № 103.

⁶² Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. СПб., 1899. С. 454.

⁶³ Гиллельсон М.И. А.И. Тургенев и его литературное наследство // Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.). М.; Л., 1964. С. 444, 448, 450.

⁶⁴ Архив братьев Тургеневых. Вып. 1. СПб., 1911. С. 474; МВ. 1803. № 103.

⁶⁵ Петров Ф.А. Указ. соч. Т. 1. С. 401.

⁶⁶ РГАЛИ, ф. 501, оп. 1, д. 386.

При этом Николай и Сергей, по примеру своего старшего брата Александра, в дальнейшем учились в Гёттингенском университете. Студентами Московского университета также стали уже записанные в архив Коллегии иностранных дел пансионеры Д.В. Дашков и кн. П. Горчаков⁶⁷.

Возникновение противозаконного порядка перевода воспитанников Благородного пансиона в студенты вместе с изменением стратегии их родителей по жизнеустройству своих сыновей явно было вызвано каким-то чрезвычайным обстоятельством. В 1802–1803 гг. таковым могло стать только объявление о скором введении образовательного ценза для вступления в гражданскую службу. В данном случае университетское начальство и родители пансионеров ориентировались на более определённые заявления «Акта постановления» Дерптского университета, а не на «Предварительные правила». В то же время официальные заявления по данному поводу были слишком расплывчаты, чтобы вызвать у всех дворян стремление поместить своих детей в университет.

О действительности обещания ввести образовательный ценз для вступления в службу свидетельствует резкое снижение количества поступлений в Московский университет по итогам летнего университетского акта 1809 г. Число лиц, произведенных в студенты летом 1809 г., оказалось не только вдвое ниже показателя предыдущего года, но и вплотную приблизилось к дореформенному уровню. В течение второй половины 1808 – первой половины 1809 г. ни правительством, ни местным начальством не было предпринято ни одной меры, способной повлиять на динамику притока студентов в университет в положительном или отрицательном направлении. Следовательно, к лету 1809 г. должен был потерять силу некий фактор, привлекавший молодежь в университет в 1803–1808 гг.

В апреле 1807 г. истёк пятилетний срок, по окончании которого на территории Дерптского учебного округа должен был вступить в силу запрет на определение в гражданские должности без предъявления университетского аттестата. Данная норма была чётко прописана в уставе местного университета, и поэтому никакого дополнительного указа в 1807 г. не последовало. В отличие от остзейских земель, введение образовательного ценза на территории Виленского учебного округа, где пятилетний срок закончился в 1808 г., требовало утверждения особого закона, который бы разъяснил расплывчатые формулировки «Предварительных правил». До начала 1809 г. этого не произошло, и в обществе вполне могли заключить, что ожидаемая опасность введения образовательного ценза миновала. Родители без опаски перестали отправлять своих детей на студенческие скамьи в Московский университет. Зато последовавший в августе 1809 г. указ об экзаменах на чин привёл к резкому увеличению потока поступлений в Московский университет, а производство пансионеров в студенты было перенесено с зимнего акта на летний, что придало ему бóльшую законность.

---

⁶⁷ Архив братьев Тургеневых. С. 429, 435.